ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ (ДЕКАЛИНОЙ) ИНОКИНИ СИМБИРСКОЙ

Екатерина Декалина родилась в ноябре 1875 года в селе Панская Слобода Симбирского уезда в простой русской крестьянской семье. Ее родители жили скромно, но не бедствовали. Семья жила в добротном деревянном доме, который окружал большой фруктовый сад, в хозяйстве Декалиных была и лошадь, и корова. В семье было четверо детей: сын Василий и три сестры – Евдокия, Екатерина, Елизавета. В храм Декалины ходили всей семьей, вместе постились и причащались, но из четырех детей Екатерина отличалась особой набожностью. И, когда брат и сестры бегали с друзьями по улице, а потом ходили на сельские вечеринки, Катя просиживала вечера дома, читая, как тогда говорили, «божественные книги». Сестры и брат думали о создании

семьи, а Екатерина решила посвятить себя иному Жениху, иному служению, и сказала родителям о своём желании идти в монастырь. Отец и мать сначала высказывались против этого решения Екатерины – ведь ей было всего 15 лет, да и помощница родителям нужна была. Но, поразмыслив, родители одобрили решение дочери – будет за них и всех родных перед Богом молитвенница.Осенним утром, 20 ноября 1890 года, отец Екатерины отвез дочь в **Спасский женский монастырь.** Трудолюбивой и аккуратной девушке в обители нашлось немало послушаний. Целых двадцать три года Екатерина прожила в монастыре воспитаннице и трудницей, прежде чем 28 октября 1913 года указом Симбирской Духовной Консистории была определена в число послушниц монастыря и стала законной его насельницей. С этого времени у Екатерины появилось и своё постоянное послушание – она была определена трудиться при монастырской часовне. Духовное начальство ценило спокойную и уравновешенную насельницу – в ведомости 1917 года о монашествующих Симбирского Спасского женского третьеклассного монастыря напротив имени Екатерины указано: «хорошей жизни, послушание исполняет усердно». 1917 год стал последним годом спокойной жизни обители. После прихода к власти большевиков женский монастырь был закрыт, и в начале 1920-х годов в нём был организован первый в губернии концентрационный лагерь. Насельниц обители разогнали: некоторые вернулись в родные сёла, некоторые устроились трудиться при симбирских храмах, кто-то вынужден был идти работать на черные работы в мирские учреждения.

Матушка Екатерина вместе со своей давней подругой, с которой проживала в Спасском монастыре, - матушкой Анастасией (Фокиной) – стали жить в Симбирске, в маленьком домике по Петропавловскому спуску (ныне – **ул. Степана Разина), 61.** Дом стал поистине небольшой монашеской кельей. Здесь стояли две кровати, комод, небольшой шкаф, стол и несколько стульев, а на стенах – иконы из Спасского монастыря. Чтобы заработать на «хлеб насущный», рясофорные послушницы Екатерина (Декалина) и Анастасия (Фокина) устроились на работу в ульяновское учреждение «Техлессемкультура». Однако вскоре их, как «классовых врагов», уволили с работы. Матушки, которым было уже за 50, стали стегать одеяла и покрывала – этим и зарабатывали на жизнь. Из фруктов и ягод, растущих в их саду, старушки варили варенье, но никогда не продавали его, а всё относили в детский приют. В гостеприимный дом монахинь, где их поили чаем с вареньем, любили приходить и соседские дети, и племянницы матушки Екатерины, жившие по соседству.

В 1937 году в ульяновском НКВД появились документы о «контрреволюционной церковно-монархической фашистко-повстанческой организации», состоящей из духовенства и мирян и ставившей целью

свержение советской власти. Никакой подобной организации, безусловно, не существовало. По этому сфальсифицированному делу были произведены аресты сотен священников, членов церковных советов и наиболее активных мирян по всей территории нынешней Ульяновской области. Были возбуждены десятки уголовных дел, по которым были осуждены сотни людей, главной виной которых была вера. Одно из этих дел стало самым страшным и кровавым за весь период истории уничтожения Церкви Христовой в Симбирске-Ульяновске. 55 человеческих жизней было оборвано 17 февраля 1938 года. Среди осужденных по этому делу оказалась и рясофорная послушница Екатерина (Декалина). Поздним вечером 18 декабря 1937 года в маленький домик по Петропавловскому спуску ворвались чекисты. Молча, по деловому они обыскали весь дом, вытряхнули на пол содержимое шкафа, сорвали со стен иконы и проверили содержимое киотов (окладов икон) – не прячут ли «монашки» что-нибудь контрреволюционное за святыми образами? Найти пришедшим ничего не удалось. В протоколе обыска, составленном на месте, кроме паспорта на имя Декалиной Екатерины Дмитриевны, ничего больше не значится.

Престарелой монахине велели собираться. Причину ареста никто не объяснял, да и была ли в этом необходимость?! Ведь матушка и так, без слов поняла: пришло время испытания веры. Монахинь Екатерину и Анастасию посадили в «воронок» и доставили в **городскую тюрьму**, где в это время находились уже сотни священников и мирян. Той же ночью матушку Екатерину повели на допрос. Перед молодым, уставшим от непрекращающихся допросов «мракобесов» чекистом сидела 62-летняя монахиня, собранная, со спокойным взглядом, ничем не показывающая внутреннего волнения. Следователь начал заполнять протокол допроса. На вопрос «семейное положение?» матушка Екатерина ответила, что родных у нее нет: старушка прекрасно знала, что советская власть не жалует родственников «врагов народа». После формальных вопросов следователь спросил: «Расскажите, какое недовольство советской властью Вы высказывали среди верующих, и до какого времени это продолжалось?»
Матушка Екатерина, немного помедлив, ответила: «Да, я действительно недовольна существующим порядком, и всегда и везде говорила, что советская власть делает гонения на верующих. Монастыри закрыли, церкви закрыли, священников в тюрьму посажали. Спрашивается – за что? За то, что они всю правду рассказывали верующим? Конечно, я говорила, что эта власть не то Бога, а от антихриста. С этим положением я не могу смириться до настоящего времени, и в силу своих убеждений в существование Бога я и буду говорить об этом до самой смерти».

Следователь молча смотрел на старенькую монахиню. Он не ожидал от этой пожилой женщины такой внутренней твердости и непоколебимой уверенности в правоте своих слов. Перед ним сидела монахиня, которая сейчас выступала обвинительницей советской власти! Следователь

улыбнулся: допрос можно было не продолжать, арестованная уже одним этим ответом подписала себе смертный приговор. Но, по правилам, допрос не мог состоять из одного вопроса. И допрос был продолжен:

- Вы сказали, что вы верите, и верующей остались до настоящего времени. Где Вы исполняли свои религиозные обряды?

- Мы живем вдвоем с монахиней Фокиной Анастасией Степановной (*напомним: монахиня Анастасия была арестована вместе с матушкой Екатериной и, таким образом, упоминая ее имя, матушка не могла подвести ее под арест НКВД)*. Все религиозные обряды исполняем вдвоем в квартире. Живем, читаем псалмы, молимся. Больше к нам никто не ходил, и мы никуда не ходим.

- Вы являетесь членом церковно-монархической контрреволюционной организации. Требую от Вас чистосердечных признаний!

- Членом этой организации я не состояла и о существовании таковой не знала.

- Выше Вы говорили, что Вы высказывали недовольство против советской власти, что она закрыла церкви, сажает верующих в тюрьмы. Вы знаете, что этим самым Вы помогаете врагам советской власти?

- Да, я понимала это, и делала это с тем расчетом, чтобы привлечь на свою сторону как можно больше верующих. Вот тогда мы потребовали бы, чтобы нам открыли церкви, и, по моему убеждению, это сделать нам бы удалось. Я также надеялась на то, что долго советская власть не просуществует. Я видела это ещё и в том, что сейчас очень много недовольных ею за все вот эти притеснения.

- Что Вы говорили в отношении конституции и выборов в Верховный Совет?

- В отношении конституции я говорила о том, что она нам ничего не даст. В Совет попадут коммунисты, а коммунисты против религии. Если бы могли избрать своих, верующих, кандидатов, тогда было бы другое дело. Я говорила против всех выдвинутых кандидатов и против всей выборной системы: лучше нам пойти в церковь, чем на выборы.

На этом допрос окончился. На допросы матушку Екатерину больше не вызывали. Через 11 дней, 29 декабря 1937 года, в Куйбышеве состоялось заседание «тройки» при областном УНКВД. Среди многих сотен фамилий верующих православных людей была и фамилия Екатерины Дмитриены Декалиной, монахини, 1875 года рождения, проживавшей в г. Ульяновске. Напротив ее фамилии в протоколе заседания «тройки» размашисто было написано «расстрелять».

Поздней ночью с 17 на 18 февраля 1938 года в подвал здания **Ульяновского НКВД** заводили мужчин в рясах и женщин в скромных темных платках. Приглушенно раздавались выстрелы и через несколько минут в затянутый тентом кузов стоящего во дворе грузовика несколько человек в форме забрасывали тело очередной жертвы. В эту ночь пули палачей оборвали жизни 78 человек, среди которых были 3 архиерея и более пятидесяти священнослужителей и монахинь. В эту страшную ночь с тихой молитвой на устах предала душу в руки своего Небесного Жениха и святая мученица монахиня Екатерина, и ее духовная сестра Анастасия.
Место погребения матушки Екатерины и иных мучеников за веру православную точно не известно.

День ежегодной общецерковной памяти преподобномученицы Екатерины инокини Симбирской установлен в день ее мученической кончины – 17 февраля по новому стилю.

Служба собору Симбирских святых